

Екатерина Боброва

ЛЕДЯНАЯ КНЯЖНА
ШЕСТЬ ВЫСОЧЕСТВ И ОДНА АССАРА

С благодарностью моим читателям за поддержку. Всем, кто с терпением читал, великодушно сносил ляпы и опечатки, кто ловил дух романа и отражал его в комментариях, — спасибо. Моим близким отдельная признательность за принятие ситуации «автор дома пишет проду».

Искренне надеюсь, что всем читателям доставит удовольствие путешествие с моими героями в мир Шайрат.

ГЛАВА 1

Одинокое стоящего у подъезда малыша лет пяти она заметила издалека. Мальчишка выделялся серой, давно немойтой шевелюрой, стриженной на манер ирокеза. Коричневая куртка на нем была явно снята со взрослого. Ее рукава доставали почти до земли, и пацан меланхолично болтал ими из стороны в сторону, сосредоточенно разглядывая окна подъезда.

Юля переложила тяжелый пакет в другую руку, прибавила шаг. Сердце противно заныло — так бывало, когда перед ней вставала проблема, требующая непростого решения. Чем ближе Юля подходила, тем крепче стискивала зубы. Надежда, что малыш ждет кого-то из взрослых, таяла с каждым шагом. Она более или менее знала всех детей в подъезде, но этот ребенок был ей незнаком. Такого захочешь — не забудешь: странная обувь, больше похожая на пошитые вручную мягкие сапожки, бывшие когда-то белыми штанишки, едва выглядывающие из-под чрезмерно большой куртки, грязь на щеке и огромные желто-карие глаза, опущенные густыми ресницами.

Эти глаза цепляли. Непонятно чем, но Юля остановилась. Поставила пакет на скамейку, уже ругая себя за мягкость: «Куда опять лезешь, дура?», медленно повернулась, присела на корточки и, улыбаясь, спросила:

— Чей ты? Маму ждешь?

В равнодушном взгляде мальчишки промелькнул интерес. Он склонил голову набок, став похож на серую, пушистую сову. Поджал губы, почесал грязным пальцем нос, окинул ее внимательным, показавшимся взрослым взглядом. Юля терпеливо ждала ответа.

— Тебя, — выдал наконец он, и Юля вскинула брови. Пробормотала:

— Неожиданно. И давно ждешь? — уточнила она.

— Не-а, — качнул головой двуногий птенец совы, потом вытянул шею и заинтересованно заглянул в пакет. Урчание в животе подтвердило еще одно опасение: «птеник» не просто потерялся, но был еще и голоден.

— А живешь где? — спросила Юля, уже смиряясь с тем, что пятничный вечер перестает быть мирным.

«Совенок» пожал плечами. Задумался, затем выдал очередную «блестящую» догадку:

— У тебя?

Юля поднялась, беспомощно оглядела проезд перед домом. Как назло, плохая погода разогнала всех бабушек и мам с детьми по домам. Не с кем даже посоветоваться. Надо звонить в полицию, но отправлять в отделение грязного, голодного ребенка...

— Раз у меня — тогда пошли. — И она торопливо, боясь передумать, достала ключи из сумки.

В лифте малыш чего-то испугался, доверчиво прижался к бедру, обняв девушку за талию, и сердце Юли сжалось от нежности. Пришлось сурово напомнить себе: ребенок чужой. Она приютит его лишь на время.

— Зовут тебя как, Совенок? — спросила Юля, открывая дверь в квартиру. В голове крутились неприятные мысли о сбежавшем из-под цыганской опеки попрошайке или потерявшемся малыше нерадивой мамы-алкоголички. Смущал только взгляд. Было в нем что-то чужое и слишком взрослое для ребенка пяти лет.

— А кто такой совенок? — спросил мальчишка, и Юля тряхнула головой, прогоняя надуманное — ребенок он и есть ребенок.

— Такой, как ты, только с крыльями. Птенец птицы, которую зовут сова.

— Мне нравится, — степенно кивнул дед и разрешил: — Можешь звать меня так.

Юля решила не заморачиваться с именем. Совенок так Совенок. Сначала ванна, потом кормежка, а там уж и до имени доберутся. И в обращении само собой всплыло «деть» — люби-

мое слово мамы. «Малыш — это до трех, — говорила она, — а после исключительно деть».

В квартире мальчишку дальше порога не пустила, заставив сначала раздеться. Куртку брезгливо выбросила в пакет, а вот штаны и странного покроя рубашку положила постирать. Ткань на ощупь была дорогой, только грязной.

Совенок не стал возражать ни против раздевания, ни против мытья, только глаза не закрыл, когда она намылила ему голову шампунем. Когда Юля это заметила, было уже поздно — шампунь попал в глаза. Деть завопил, хватая ртом воду, льющуюся из душа, и Юля, ругая себя за оплошность, бросилась промывать глаза и успокаивать Совенка.

Мальчишка был худощав, но крепок, а еще на спине и правой руке Юля обнаружила три шрама — два старых, один свежий, что еще больше укрепило подозрение о сбежавшем из-за жестокого обращения ребенке.

Потом она торопливо варила макароны, тушила рыбу, готовила салат — ребенку нужны свежие овощи. Найденыш все это время сидел на кухонном стуле, одетый в ее футболку, закутанный в махровое полотенце и грыз сушки, запивая найденным в шкафу соком. Еда, купленная для готовки на выходные, неожиданно попала под раздачу в пятницу, а сговоренный с желудком разгрузочный вечер пришлось отложить.

— Почему сама не ешь? — подозрительно поинтересовался Совенок, точно она его травить собралась.

— Ем, — обреченно вздохнула Юля, накладывая себе макароны с рыбой. Потом пришла очередь чая и круассана. Даже варенье для такого случая нашлось в шкафу.

Малыш увлеченно уплетал сладости и пил чай, а Юля достала мобильник, набрала сто двенадцать, повисела на линии минут пять, пока усталый голос оператора не ответил:

— Слушаю.

Узнав о найденном ребенке, оператор оживился и мигом переключил ее на полицию. Там выспросили кучу подробностей, записали адрес и данные Юлии и предложили доставить ребенка в отделение.

— Вы что, издеваетесь? — возмутилась девушка. — Девять вечера. Ему спать пора, а вы его в отделение предлагаете везти, точно преступника. Это же ребенок! Утром пусть приходят из опеки, и будем решать.

Дежурный попросил подождать на линии, получил добро от начальства и разрешил оставить найденныша дома. Юля записала номер отделения, обещала звонить, если что, и отключилась. Выдохнула — самое сложное еще впереди, и тут же замерла, наткнувшись на серьезный взгляд малыша.

— Не хочу домой, — провозгласил Совенок.

Юля прикусила губу, сдерживая эмоции. Воображение уже рисовало жуткие картины, и она чувствовала себя предательницей. Но ведь это чужой ребенок, она не может оставить его себе. У него есть пусть и плохая, но семья.

— Никто тебя домой прямо сейчас не отправляет, — попыталась мягко объяснить Юля, — но нам надо связаться с твоими родными.

— Зачем? — насупил серые брови деть. Тряхнул подсохшими волосами, которые так и остались грязно-серыми, как ни старалась их отмыть Юля.

— Но ведь они волнуются. — Девушка растянула губы в жалкой попытке улыбнуться. Глаза защипало, и ей пришлось приложить усилия, чтобы не расплакаться. Пятничный вечер превращался в мелодраму. Она, чужой ребенок и его беды. Не хватало только бывшего, который умел довести любую мелодраму до трагедии.

— Нет, не волнуются, — воспротивился Совенок, — у отца — эсхарат¹, у брата — тэорат, а Жансар только и знает, что орать, какой я дурак.

Обилие чужих слов — цыганских? — сбивало с толку, как и странные имена. А еще мальчишка умел строить сложные фразы. И она поймала себя на мысли, что не знает, как вести себя с этим ребенком, который даже имени своего назвать не хочет.

— Жансар, он... — Юля замялась, подбирая слова, потом вспомнила распространенный тест и резко протянула руку, якобы поправить Совенку волосы.

Тот не дернулся. Наоборот, подался вперед и зажмурился под лаской, а она со вздохом взлохматила жесткие волосы — Совенок все глубже пробирался в сердце. Не дернулся — значит, не били, но откуда тогда шрамы?

— Кто он тебе? — задала Юля вопрос по-другому.

¹ См. глоссарий в конце книги.

Совенок по-взрослому вздохнул, хрустнул сушкой — они явно пришились ему по вкусу — и ответил:

— Воспитатель, только он плохой, я его не люблю. В прошлом месяце запретил мне ездить на вальшгасе, не пустил ловить ерьков и отобрал кинжал, подаренный братом.

Малыш путал русские и иноязычные слова, и Юля не понимала: то ли у него богатое воображение, то ли он действительно иностранец, но почему тогда говорит без акцента?

— Знаешь, я бы тоже хотела прокатиться на вальшгасе. Это лошадь? — попыталась она нащупать почву под рассказами Совенка.

— Не-а, — мотнул головой деть. — Сейчас покажу.

Он положил ладонь на грудь, и из-под пальцев брызнули белые лучи, а когда отнял, Юля увидела висящий на шее кулон — светящийся голубыми искрами кристалл, который обнимало когтистыми лапами нечто похожее на ящерицу.

— Это — вальшгас, — объявил Совенок, ткнув пальцем в ящерицу, и Юля заторможенно кивнула в ответ. Вальшгас так вальшгас. Какая теперь разница, когда ей только что продемонстрировали то, чего быть не может. Она ведь мыла ребенка, осматривала его одежду — кулона на нем не было.

— Можно? — спросила Юля, протягивая руку.

Совенок разрешил. Она осторожно, одним пальцем, коснулась камня — исключительно с целью проверить реальность происходящего. Камень на ощупь был теплым и твердым. Иллюзия исключалась. Шизофрения выходила уж больно многоплановой и занятной. Что тогда? «Секретные материалы»?

Голова начала болеть, и Юля потеряла виски. Встала, налила воды, выпила залпом, успокаивая зашедшееся в панике сердце. Совенок беззаботно хрустел сушками.

— Как ты сюда попал? — спросила она хрипло.

Хруст стих. Юля повернулась — мальчишка с виноватым видом выводил узоры по столу.

— Я на время взял, потом верну, — пообещал тот, накрывая камень ладошкой.

Когда Совенок отнял руку — на шее снова ничего не было. Юля нервно сглотнула, отвела взгляд от цыплячьей груди ребенка, досчитала до десяти.

Картинка начала вырисовываться. Некий... пусть артефакт мог быть видимым и невидимым. И с его помощью Совенок

попал к ней. Откуда? Кидаться с воплями «Ты пришелец?» нельзя, ребенок может испугаться.

— Ты знаешь, как называется мой мир и моя планета? — зашла она издалека.

Ответ Совенок нашел быстро:

— Земля.

— А твой? — спросила Юля, затаив дыхание.

— Шайрат.

Еще через полчаса осторожных расспросов, три стакана воды и тридцать капель валерианы случившееся с Совенком стало более или менее понятным.

Обидевшись — она так толком и не поняла на что, но оценила по эмоциям Совенка на десять баллов из десяти, — мальчишка стащил дядин амулет и удрал на Землю. Здесь он помыкался, однако быстро разобрался, что к чему. Под машину не попал, в полицию тоже, а вот остальное...

— Добрые дяди пахли плохо, зато куртку подарили, еще и накормили, — делился он пережитым.

Юля содрогалась, но мысленно благодарила дядей за заботу. Играть одному на площадке было скучно, к детям идти он не решился, и потому Совенок быстро заскучал и отправился к Юле. Почему и как нашел — не ответил.

— А как ты наш язык понимаешь? — спросила она напоследок, видя, что мальчик уже третий раз подряд зевнул.

Ей снова продемонстрировали фокус с появлением и исчезновением, на этот раз — камня, вдавленного в кожу на виске, и десятка мелких, украшавших правое ухо.

— Мыслевик, — пояснил деть, ткнув пальцем в камни.

Юля сделала вид, что поняла. Мыслевик так мыслевик.

— Только голова от него болит, когда используешь. — И он потер лоб.

— А давай-ка, милый, спать. Ты сейчас у меня прямо на стуле отрубисься.

Она подняла легкое тельце на руки, и малыш доверчиво обвил руками шею, прижался, прошептал на ухо:

— Ты ведь не отдашь меня?

Юля не ответила. Да и как тут ответить, когда у нее на руках не просто чужой, а ребенок из другого мира.

Когда Совенок уснул, она набрала номер отделения полиции. В этот раз ожидание было недолгим. Уже знакомому дежурному Юля кратко обрисовала ситуацию и попросила:

— Отмените, пожалуйста, заявление. Мать, буквально как мы с вами поговорили, позвонила в мою квартиру. Очень извинялась. Они из деревни в гости приехали, мальчик впервые оказался в многоквартирном доме. Остался на пару часов один и решил, что, как и в частном доме, можно выйти погулять на улицу. Вышел, поиграл на площадке, а как обратно вернуться, не знал — номер квартиры не запомнил. Пока играл, перемазался, я и напридумывала лишнее. Вы не подумайте, ребенок мать сразу узнал, она и фото их в телефоне показала. Пожалуйста, отзовите заявление. И еще раз прошу прощения за беспокойство.

Ей ожидаемо поверили не сразу. Мурыжили минут пять разными вопросами, но Юля стояла на своем. Дежурный сдался, пригрозив, что завтра или в понедельник ей могут позвонить для выяснения подробностей.

Совенку Юля постелила на диване в гостиной, и он, умаявшись, заснул быстро. Она постояла над ним — сердце болело от одной только мысли расстаться. Обругала себя дурой и пошла спать, но сон не пришел. В голову лезли разные мысли, одна забористей другой. И Юля, не выдержав, сходила в гостиную, осторожно подняла Совенка, отнесла к себе на кровать. Легла рядом, обняла щуплое тельце, и голова сразу потяжелела, расслабляясь.

Утро встретило их отличной погодой. Ярко светило солнце, намекая, что холодный май заканчивается и впереди лето. Совенок сладко сопел в ухо, закинув ногу ей на живот. Юля вздохнула, ощущая, как распускается внутри невидимая пружина, как отпускает застарелая боль. Давно это было... Очень давно. Но если бы не одна глупость и трусость бывшего, ее малышу сейчас было бы почти четыре года. Надо простить себя и его, а вот не получается... Но рядом с Совенком дышится легче. И мысли в голове крутятся такие приятные: что бы вкусное приготовить на завтрак? И чем потом заняться?

— Нравится? — спросила Юля, когда Совенок наворачивал третий по счету блин.

Деть угукнул и потянулся за добавкой.

— Знаешь, я тут подумала, — Юля решила, что момент удачный, Совенок выглядел расслабленным и довольным, — может, зря ты на всех обиделся. Помню, когда я была примерно в твоём возрасте, повздорила с бабулей. Она у нас старенькой была, ворчливой. Я вспылила и решила тут же пожаловаться бабушке. Сказано — сделано. Меня не остановило то, что бабушка работала в центре города, в библиотеке, до которой было полчаса ходьбы. Отправилась туда одна, никого не предупредив. Помню, как испугалась бабушка, увидев меня, и как жалко прозвучала моя обида. Меня даже ругать особо не стали, дали коробку эклеров и отправили домой в сопровождении бабушкиной знакомой. Столько лет прошло, а мне все еще стыдно за ту глупость. Теперь я понимаю, как по-дурацки выглядела моя обида и сколько волнений принесла отлучка из дома. Но тогда я была слишком маленькой, чтобы это понять. Думаешь, почему взрослые часто запрещают или не разрешают что-то детям? Не потому, что вы глупые, а потому, что еще не выросли. Вот сравни мою голову и свою.

Юля придвинула голову ближе к Совенку, и тот ощупал ее своими пальчиками. Потом обхватил свою. Задумался.

— Знаешь, что там у тебя внутри?

— Мозги, — проворчал малыш, явно вспомнив что-то неприятное.

— Ничего удивительного, что ты не можешь понять все, что делают взрослые. Вот когда твой мозг дорастет до нужного размера, ты станешь самым умным на свете, если не будешь лениться, конечно.

И она потрепала Совенка по жестким волосам.

— Уверена, твоя семья волнуется.

Совенок глубоко задумался, забыв про блины и какао.

— Ты не можешь оставить меня себе? — спросил он, взобравшись на колени к Юле. Обнял ее, уткнулся носом в шею, часто задышал. — Юля, — она разрешила так себя называть, — я немного ем, честно. Буду помогать и не стану лениться.

— Прости, Совенок. — Юля прижала малыша к себе, поцеловала в макушку. Больше всего на свете она хотела оставить этого ребенка себе. С ним сердце билось по-новому, но реальность — жестокая вещь — уже нашептывала, сколько проблем принесет это решение.

— Меня зовут Альгар, — всхлипнул малыш, и Юля прикусила губу, сдерживая собственные слезы.

— Обещаю, Аль, что буду с тобой до того момента, пока тебя не заберут. К тому же, — она мысленно попросила прощения у семьи Альгара, — мы ведь не отправляем тебя прямо сейчас. Спорим, ты никогда не катался на каруселях?

— Не-а, — помотал головой Совенок.

И Юля принялась расписывать, как здорово в «Диво Острове».

Совенок в ее толстовке и своем странном костюме вызвал замешательство в детском магазине. Но когда она одела его в ярко-красную курточку, синюю кофту со смешным щенком на груди, белую футболку, джинсы и белые кроссовки — малыш удостоился комплиментов от всех продавщиц. Потом они купили конструктор, плюшевого мишку и пистолет с пулями на присосках — а вот нечего разбрасывать опасные артефакты в доступности! Совенок был счастлив.

После была поездка на метро, которую малыш выдержал с честью, только жался к девушке, а также огромный парк с аттракционами.

Отправив малыша на карусель с пожарными машинами, Юля позвонила маме. Ей внезапно захотелось услышать до боли родной голос.

— Доченька! — обрадовалась мама. — Как дела? Чем занимаешься?

— В парке решила погулять, погода-то какая! А ты? Как себя чувствуешь? Сережка не звонил?

С братом у них была разница восемь лет, и Юле нередко казалось, что Сережка — не брат, а ее первый ребенок. После вторых родов мама часто болела, и забота о маленьком братишке легла на плечи девочки. Она ухитрялась справляться со всем: помогать матери по хозяйству, нянчить брата и учиться на отлично. Смогла поступить на бюджет в Таможенную академию. Мама тогда чувствовала себя хорошо и даже устроилась на работу. Семья смогла выделить деньги на подготовку к ЕГЭ. Но временное улучшение прошло, а там и отца внезапно сократили на работе. Юля вынуждена была перевестись на заочное. Было непросто прожить те полгода на ее скромную зарплату, но они продержались. Потом Юля ушла на другую работу, где

и познакомилась с Юрой. Тот поначалу шутил, что у них сразу есть общее: имена на одну и ту же букву.

Уже после разрыва, после тонны грязи и глупых обвинений, Юля осознала, что эта чертова буква так и осталась единственным общим. Просто Юре была удобна неприхотливая девочка с доставшейся ей от бабушки двухкомнатной квартирой. Долго ли вскружить голову первой любовью той, кто в жизни не видела ничего, кроме семьи и учебы, а после жить в удобстве и комфорте. Только ребенок в этот комфорт не вписывался, н-да...

— Нет, не звонил, но Сережа говорил, что следующий раз им разрешат позвонить через неделю, не раньше.

Сережка после девятого поступил в колледж, отучился три года на автомеханика и ушел в армию, где сейчас и служил в десантных войсках. Вымахал «лось» под два метра и часто с гордостью предлагал навалить всем ухажерам сестренки, если те наглеть будут.

Юля вспомнила, как в первый месяц после призыва брата она, как обычно, принесла деньги родителям, но мать отвела ее на кухню.

— Доченька, нам с отцом много не надо. Прошу, начни жить для себя, мы и так украли у тебя столько лет... Пора подумать о себе. Двадцать шесть, а ты одна. Забудь того козла, найди нормального работающего парня. Нам с отцом большего и не надо.

Она пыталась ругаться, настаивать, но мать была неумолима. И вот уже больше полугода не брала у дочери ни копейки.

— Хорошо, мам. Позвоню в понедельник. Береги себя, ладно?

Довольный Совенок, потушив нарисованный пожар, уже бежал к ней.

— И ты себя, дочка.

Они покатались везде, где было можно. Купили сладкой ваты, съели по эскимо. Юля купила воздушный шарик в виде мишки. Совенок уже еле передвигал ноги от усталости, а ей столько хотелось рассказать и показать, но...

— Думаю, пора. — Она кивнула на скамейку, спрятанную в глубине парка за жирным кустом сирени. Здесь, вдали от основных дорожек, было тихо и сумрачно. Удобное место, чтобы вернуть ребенка домой.

— Хорошо, — с тяжким вздохом согласился Совенок. Накрыл медальон ладонью, делая его вновь видимым.

— Теперь меня можно найти, — пояснил, и Юле осталось только поверить ему на слово. Впрочем, не прошло и десяти минут, как она ощутила чужой, изучающий — аж спина от такого зачесалась — взгляд.

— Я хотел бы угостить брата, — шепотом попросил Совенок, кивнув на недоодевшую сахарную вату.

Значит, не показалось. Юле стало не по себе, и в голову полезли панические мысли. Например, что от хороших не сбегают. И как воспримет возвращение беглеца его семья? Еще вспомнилось, что Совенок ни разу не упомянул о матери. Что, если рядом с отцом, у которого какой-то там эсхарат, мачеха? Не от нее ли сбежал Совенок? Но поздно мучиться сомнениями.

— Ой, шарик! — расстроено воскликнул малыш, выпустив ленточку из рук.

Юля вскочила догонять, почти дотянулась пальцами до ленты медленно уплывающего в небо коричневого медведя, как замерла, ощутив холод стали у горла. Скосила глаза — клинок выходил из пустоты. В тот же момент отчаянный крик Совенка «Юля!» ударил по нервам. Она дернулась:

— Аль!

Обернулась, забыв про лезвие у горла. Кожу обожгло. Над ухом прошипели что-то злое. Чужие пальцы впились в плечо, удерживая. А она не чувствовала ни боли от пореза, ни тепла льющейся на грудь крови. В глазах стоял брошенный пакет с игрушками, втопанная в землю сахарная вата и пустая скамейка. Нарастающий шум в ушах заглушил остальные звуки. Ноги подкосились, и Юля стала медленно оседать на дорожку.

ГЛАВА 2

Упасть ей не дали. Обхватили, прижав к чему-то твердому. Горячая ладонь стиснула горло, и кожу запекло так, что Юля взвыла, а из глаз брызнули слезы.

Ее заставили сделать шаг назад. Ощущение короткого падения, возмутившийся желудок. Мир все еще был размыт слезами, зато обоняние и слух обострились. Пахло железом, мужским потом, сильно воняло чем-то звериным. А еще здесь было

на порядок холоднее, и ветер, пробираясь под тонкую куртку, заставлял ежиться.

Человек перебросил Юлю через плечо, и она охнула, больно стукнувшись животом о твердое как камень плечо. Похитителю до ее проблем не было никакого дела. Он размашисто шагал куда-то, и девушка напрягала мышцы, чтобы меньше подпрыгивать при каждом шаге.

Скрип двери. Лестница. Спуск. Полумрак коридора. Стертые камни пола. Запах стorerевшей еды. Еще один проход, после которого ее скинули вниз. Каменный пол ударил по коленям, содрал кожу на ладонях. Юля зашипела от боли, облизала прокушенную губу, сглотнула, ощущая металлический вкус крови во рту. Села, потрясла выбитым запястьем, огляделась.

Ее принесли в небольшое помещение без окон. Подвал? Под потолком висела странная сфера-лампа, заливая все вокруг ровным желтым светом. Цепи на каменных стенах, металлические стулья и темные пятна на полу навевали мысли о средневековой пыточной. А еще в комнате со сводчатым потолком было полно народу. Мужчины разного возраста, все в кожаных доспехах с черными металлическими вставками, разглядывали ее с одинаковым выражением неодобрения на лицах.

Они почти не отличались от людей. Волосы оттенков от белого до темно-серого жесткой гривой спускались до лопаток. Кожа загорелая, как у тех, кто много времени проводит на свежем воздухе, а вот странные глаза Юля рассматривать не решилась. Хватило того, что от их взглядов ее была нервная дрожь, а в желудке точно кусок льда поселился.

Девушка подобралась, села, обхватив колени руками. Ощупала горло. Кожу стягивало от засыхающей крови, но пореза не ощущалось. Залечили. Но зачем? Чтобы потом убить еще раз? Юля прекрасно осознавала, что со вскрытым горлом смогла бы прожить пару минут, не больше.

Досада на себя — вот знала ведь, что от хорошей жизни не сбегают — приглушила страх. Страшно все же было, но больше за Совенка. А эти идиоты... Думают, если их семеро здоровых, то можно качать права перед одной женщиной? И где они были, такие здоровые и сильные, когда малыш сбегал из дому?

Мужчины обменялись парой фраз, потом разговор разгорелся и перешел в спор. Один из них вытащил клинок, и лез-

вие со свистом прошило воздух рядом с девушкой. Юля успела зажмурить глаза, но оказалось, что мужчину интересовала только ее сумка. Он поднял ее с пола за перерезанный ремешок и бросил другому.

Сумку было жаль — всего два месяца, как купила. И ладно сумка, но там телефон, карты, короче, вся жизнь! Юля попробовала встать, но ее грубо пихнули на пол, рывкнув что-то вроде: «Сидеть» или «Место».

— Идиоты, — пробормотала Юля, с содроганием усаживаясь на грязный пол, — твари, дебилы, придурки.

— А у вас неплохой словарный запас, барышня, — насмешливо озвучили на русском у нее за спиной.

Юля обернулась. Вскинула брови. Человек в обычном мужском костюме смотрелся среди воинов в доспехах как чиновник, заглянувший на реконструкцию. Стрижка ежиком, темные очки, убранные наверх — встретить она его на улице, не обратила бы внимания. Но взгляд уже выделял знакомый оттенок волос, разрез глаз — незнакомец точно был местный, хоть и говорил по-русски без акцента.

Из окружавших девушку мужчин к нему шагнул один и что-то негромко сказал. Юля мельком отметила, что у него золотой выгравированный узор на антрацитовых пластинах доспеха, кожаные перчатки и явно пошитые вручную высокие сапоги, а не грубые ботинки. Перед ней был кто-то из начальства.

— Так-так. — «Русский» заглянул в ее сумку, выпотрошил содержимое на стол. Юля только зубами скрипнула, когда мобильник стукнулся о металлическую поверхность. Мужчина откопал кредитку, поднес к глазам. Девушка могла поклясться — он знал, что это такое. — Юлия Никольская. Приятно, — словно издеваясь, поклонился, — познакомиться.

Его сосед что-то сказал, и приветливое выражение лица «русского» сменила застывшая маска. Мужчина шагнул ближе, навис над девушкой. Жесткий голос давил, прижимая к полу:

— Кто вы? На кого работаете? Кто вам заплатил за похищение шестого принца?

Япона мама! Совенок — принц. Пусть шестой, но принц!

— Никто, — замотала Юля головой, стараясь не поддаваться панике.

Перевода не требовалось, потому как второй из начальства в одно движение оказался рядом, вздернул ее наверх, впечатал

в стену так, что в спине хрустнуло, а затылок стрельнул болью. Также он сдавил многотрадальное горло.

Незнакомые слова стегали по лицу, но хуже был огонь безумия, горящий в глазах мужчины. Зрачок расширился, каряя радужка налилась золотом. Юля могла поклясться, что смотрит в глаза собственной смерти, но оторвать взгляд не могла — настолько дикими и притягательными были ярко-оранжевые с черным зрачком глаза. В них хотелось погрузиться, им хотелось рассказать все. Эти глаза обещали покой.

Юля моргнула, стряхивая дурман. Мужчина чуть ослабил хватку, а мерцание в глазах снизило интенсивность.

— Лучше признайтесь, — устало посоветовали сбоку, — здесь знают толк в пытках.

Долбаное средневековье. Долбаное сострадание. Надо было пройти мимо, но Совенок... Нет, пройти мимо было нельзя. Надо было просто оставить малыша у себя, а не возвращать в семью убийц, которая еще и в пытках знает толк!

— Не упорствуйте, хуже будет, — уговаривал «русский», в то время как второй сильнее сдавливал горло — у нее уже цветные пятна плыли перед глазами.

Юля захрипела, хватаясь рукой за ладонь мужчины — тело испуганно цеплялось за остатки жизни, и мучитель ослабил давление. Ей дали набрать воздуха в легкие, но отпускать не спешили, контролируя жизнь.

В этот момент Юле хотелось одного — чтобы все закончилось. Можно было не гадать, какое наказание ждет причастного к побегу принца. И какая разница — сейчас она умрет или чуть позже? Так хоть выскажет все, что думает об этих придурках.

Вернуть под свою власть впавшие в панику мозги было не просто, но она справилась.

— Идиот! — крикнула на выдохе Юля в лицо монстра. — Вы все идиоты! Не зря Аль сбежал от вас.

Имя ребенка монстр уловил, нахмурился, вопросительно посмотрел на товарища. Тот перевел, потом спросил недовольно:

— Кто дал вам право так его называть?

Не все ли равно, как она называет Совенка, когда ее обвиняют в похищении? Юля прикрыла глаза, отказываясь отвечать на глупые вопросы, ее встряхнули, снова приложив затылком о стену, еще и медленно подняли руку, заставляя тя-

нуться следом и встать на цыпочки. Юля зашипела от боли, искренне желая всем сдохнуть.

Желала вслух, уже не стесняясь — первым от боли скончалось воспитание, и «русский» хмыкнул, однако переводить не спешил. Мужчины заспорили, прервавшись, лишь когда в пыточную вбежал юноша и с поклоном передал тряпочный мешочек ее мучителю. Тот убрал руку с горла девушки, и Юле пришлось приложить усилие, чтобы позорно не сползти по стеночке. Поваляться в ногах она всегда успеет, но пока есть силы, останется на своих.

— Ну все, ты попала, — прокомментировал «русский», подрастеряв вежливое «вы». — Доупрямилась? Теперь я не смогу тебе помочь.

Если это помощь, то она — ежик в тумане. Впрочем, до пыток пока не дошли. Так, может, он действительно помогал и зря она упрямилась? Только чем ей помочь «русскому», если она не знает, ни кто заплатил за «похищение», ни на кого ей нужно «работать». Даже соврать вразумительно не сможет. Засада... А в простую доброту здесь не поверят.

Воин между тем достал из мешочка знакомый камень — мыслевик, прижал его к коже на виске и скривился — процедура была явно неприятной, и Юля полюбовалась его перекошенной физиономией.

— Ты, — на выдохе сказал он по-русски, навис сверху, обхватив затылок «каменными» пальцами, — отвечай сейчас же.

Юля ответила бы, покаялась, авось и поняли бы головы чугунные, что она тут ни при чем, но была у нее одна черта характера, из-за которой даже местные хулиганы с ней не связывались. Страх с адреналином шли у нее рука об руку. Грубо говоря, Юля была из тех, у кого от страха сносило крышу, и падала эта крыша исключительно на противника.

Вот и сейчас, чувствуя, что теряет контроль, а здравый смысл машет ручкой и уходит за горизонт, Юля выдохнула, расслабляясь. Бесполезно мешать тому, кто сейчас вылезет на сцену. Понесло так понесло...

— А что, товарищ «Черный властелин», самим слабо догадаться? Умишко не варит?

Мужчина ошарашенно моргнул карими с оранжевыми искорками глазами, и Юля наконец поняла, что за странность цепляла в них. Глаза у мужчин были еще круглее и больше,

чем у малыша, а ресницы густые и темные, точно наращенные. И зрачок был неестественного вида — чисто как у совы. Сходство усиливалось, когда радужка становилась оранжевой. Сова, одним словом. И такие же заторможенные. Смешок она задала не до конца, и тишина в подвале стала напряженной. «Русский» тяжело вздохнул, однако вмешиваться не стал. Не по рангу, видать, против «Черного властелина» идти.

— Отвечай, — повторил уже не так уверенно мучитель.

— А смысл мне общаться с идиотами? — пожала плечами Юля. Бушующий в крови адреналин позволил забыть о боли и недавно порезанном горле.

Она вывернулась из-под захвата — точнее, ей позволили это сделать, шагнула к стоявшим в подвале мужчинам.

— Где вы были, когда ребенок сбегал из дому? Это ведь ты, — повернулась Юля к «русскому», и тот отвел взгляд, — оставил камень переноса без присмотра и позволил его взять? Ты?

«Властелин» вскинул брови, его совиный взгляд потерял кровожадность, и в нем мелькнули искры интереса.

— Хотя представляешь, каким опасным может быть мой мир для маленького ребенка, который никогда в жизни механизмы не видел? Просто чудо, что он не попал под машину или его не переехал поезд. Наши механизмы нельзя остановить мгновенно. Хотя кому я это объясняю? — Она махнула рукой, отворачиваясь. Говорить становилось все труднее, голос подводил, не выдерживая. Да и запал уже прошел. — Только и умеете, что ножичками размахивать. А как воспитывать, так сразу «похитили», «заплатили»! Слабо признать, что от тебя такого, — обвела его Юля оценивающим взглядом, — самонадеянного просто сбежали? — Она уже перешла на шепот, так как каждое слово давалось ей с болью. — Ты был там, наблюдал. Неужели это было хоть немного похоже на похищение?

— Обвиняешь меня? — вздернул брови главный из «сов».

— Она в чем-то права, — подал голос «русский», за что тут же схлопотал:

— Лучше молчи, с тобой я еще разберусь. А ты идешь со мной, — указал на Юлю.

Сказал — сделал. Он ухватил ее за плечо и направился прочь из подвала. Девушка не возражала — в памяти был жив

способ доставки сюда. Закатить истерику и поболтаться на плече — еще успеется.

На узкой лестнице мужчина заставил Юлю идти впереди, и та ощущала ввинчивающийся ей под лопатку взгляд. Так и представлялась тюрьма, конвой и ствол автомата, смотрящий в спину.

Поднявшись, они оказались в широком мрачном коридоре. Теплый свет местных ламп лишь подчеркивал скорбный вид темно-серых, кое-где покрытых мхом камней. Через десяток шагов ее провожатый остановился, притормозив девушку за плечо. Он рассек ладонью воздух, камни на его браслете на мгновение полыхнули синим, пространство дрогнуло и подернулось рябью, а следом за этим проступил совсем другой интерьер.

Словно сквозь мутное стекло, Юля смотрела на огромный зал с высоченными колоннами, а собственные ноги приросли к полу, не желая делать шаг за грань.

— Испугалась? — поинтересовались сзади.

Девушка фыркнула — этого варвара бы в лифт или в метро, тогда бы они сравнили свои страхи.

— Кто знает, как хорошо ты учился в школе, — пробормотала Юля, не рассчитывая на ответ, но ей ответили.

Мужчина развернул ее лицом к себе, впиваясь злым взглядом:

— Сомневаешься в моих силах, чужачка?

Нависший над ее головой здоровяк, который был шире Юли раза в два, мог задавить девушку, просто прижав к стене, — даже меч не понадобился бы. И как-то сразу вспомнилось, что русский здесь понимают и надо бы следить за языком.

— Опасаюсь чужих технологий.

Мужчина хмыкнул, склонился еще ниже. Юля с удовольствием бы отступила, но за спиной была разорванная грань пространства. Пришлось терпеть.

— Опасаться здесь стоит только меня. И, чужачка, разве в твоем мире не принято говорить «вы» тем, кто выше?

— Ты хотел сказать — старше? — уточнила Юля. Нет, а что? Хочет на «вы», будет ему уважительное обращение к старшему поколению. — В моем мире, если тебе тыкают в лицо, нечего ждать вежливости в ответ.

— «Вы», — поправил Юлю воин, — не заставляй меня повторять, а с возрастом, о котором ты говорила, мы разберемся после. Нас ждут, — он подхватил ее под мышки, точнее сказать, попытался, потому как Юля со словами:

— «Вы говорили», — сделала шаг назад.

Нечего ее таскать, она и сама пойдет, а варвару придется выучить, что уважение должно быть взаимным.

Юля сглотнула, прогоняя тошноту, — в этот раз переход прошел легче, затем огляделась. Они находились в гигантском, размером со стадион, зале. Высокие колонны, расходясь лепестками кверху, поддерживали сводчатый потолок. Здесь было светло, хотя окон заметно не было, а мягкий свет излучали поверхности. Белый цвет был повсюду — точнее, белым было абсолютно все. Но Юля сразу выцепила темное пятно — колено-преклоненного Совенка.

В фигурке со склоненной головой было столько печали, что сердце девушки сдавила боль.

— Аль, — бросилась девушка к ребенку.

Тот вздрогнул, однако позы не изменил. Варвар неподвижной статуей застыл неподалеку, не мешая.

— Аль. — Юля опустилась на колени, прижала к себе застывшее тело малыша, покрыла жесткие волосенки поцелуями, взяла холодные руки в свои ладони, пытаясь согреть их теплом. Если это наказание, то пусть наказывают ее. Совенок столько всего пережил в чужом мире, что он уже давно раскаялся, что сбежал. Она не позволит над ним издеваться.

— Юля, — мальчишка выдохнул, оттаивая и расслабляясь, — ты пришла. Я так боялся, что ты умрешь. — И он спрятал лицо у нее на груди, а она стояла на коленях, глядя узкую спину.

Внутри все клокотало. Хотелось выть от злости — нелюди даже не сочли нужным сказать, что с ней все в порядке, а ведь последнее, что видел малыш, как ей вскрыли горло мечом.

Страстно хотелось защитить ребенка, спрятать от жестокого мира, а всю долбаную семейку пустить в расход. Юля никогда, даже к брату, не ощущала такого всепоглощающего чувства. Это было странно, но желания анализировать не было. Внутри все горело от решимости утащить малыша с собой и не делить его ни с кем.

Юля подняла голову — ей показалось, что сбоку мелькнули тени. Юля притянула Совенка крепче и поймала себя на порыве зарычать. Тени заволновались. Девушка неотрывно, с охотничьим интересом следила за едва заметным колебанием воздуха, а внутри нее зрела уверенность — тени живые. А раз живые, то им можно и глотку порвать. Даже нужно. Она сглотнула, явственно ощущая привкус горячей крови во рту. Это чувство, а еще глухое, едва слышимое рычание — мамочки, это что, она? — отрезвили.

Юля встряхнулась, моргнула, и этого мгновения теням хватило, чтобы исчезнуть. Еще какое-то время она с подозрением изучала пустоту, потом успокоенно выдохнула, чуть отпуская Совенка.

А вообще странно — в таком огромном зале нет никого, кроме них троих. И мебели тоже нет, даже захудалого трона. Это специальный зал для провинившихся? Богато живут, однако. Столько места для одного наказанного ребенка.

Но если вспомнить, как легко прятал Совенок артефакты, то что мешает спрятать целый полк варваров? Пусть прячут. Юля приказала себе сосредоточиться на ребенке, забыть о собственном помешательстве, а все, кто пока не угрожает малышу, могут жить.

— Когда это я помирать собралась? — выдавила она из себя смешок, добавив нарочито весело: — Я, между прочим, неубиваемая, как... — она запнулась — малыш ведь не знал никого из земных супергероев, — как ящерица, вот! Ей хвост отрежешь, а она новый отрастит, — болтала девушка, усаживая Совенка к себе на колени. Деть обхватил ее за шею, словно боясь, что она исчезнет.

— Да-а-а? — недоверчиво протянул малыш. Его дыхание приятно щекотало кожу, и Юля ощутила, как расслабляется, напряжение отпускает, а странная жажда крови проходит. — Наши ящерицы так не могут.

— И вряд ли у вас получится отрезать ей хвост, — добавил варвар.

И когда только он успел подкрасться так близко, что оказался у нее за спиной? Юля нервно дернулась, оборачиваясь, но малыш вцепился в нее, жарко дыша в ухо.

— Ю-ли-я, — протянул мужчина по слогам, наклонился, оглядел, точно увидел впервые, и добавил: — А вы полны сурпризов.

Это он на ее проснувшуюся кровожадность намекает? Напрасно. Ей не стыдно. Стыд скончался, когда ей горло перерезали. Вдобавок в материнском инстинкте нет ничего ужасного, разве что странно испытывать такое к малознакомому ребенку, но тут Юля не пыталась анализировать, записав внезапно проснувшееся чувство в область иррационального. А вот вежливость товарища — даже имя вспомнил — настораживала.

— Отпусти ее, братишка, а то задушишь, — посоветовал варвар, и Совенок ослабил хватку.

Отстранился, заглядывая в лицо совиными глазами, на которых уже наворачивались первые слезы.

— Ты ведь останешься, да? Не уйдешь?

Юля замерла, забыв, как дышать, не сразу осознав, что варвар назвал Совенка братом.

— Не уходи, прошу. И на работу тебе не надо, брат обо всем позаботится, обещаю.

О! Варвар, безусловно, позаботится. Навесит с десятков обвинений — похоже, у аборигенов нехватка подозреваемых — и подберет место в камере. Под ложечкой засосало. Догадка, что она может не вернуться домой, стала отчетливой.

Япона мама! Если Юля не появится дома в понедельник утром... На работе удивятся, засчитают прогул, а не дозвонившись — поставят вопрос об увольнении. Альбина Андреевна не простила наплевательского отношения к дисциплине. Сотрудники из ее отдела вылетали и за меньшее, а Юля продержалась полтора года только из-за личного усердия и самоотдачи. Зато платили больше, чем в других компаниях. И вот теперь из-за одного тупого варвара все старания псу под хвост?!

Ладно работа, но что подумает мама, если она не выйдет на связь в понедельник? Даже представлять не хотелось.

— Прости, Совенок. Я очень-очень хочу с тобой остаться, но дома у меня дела. Ты ведь сильно обо мне сейчас беспокоился?

Малыш насупил брови, нехотя кивнул. Юля вздохнула — хоть разорвись. И не хочется бросать Совенка на растерзание родственничкам, и не бросить нельзя.

— Обо мне тоже станут беспокоиться, если я не вернусь завтра вечером.

Аль наморщил лоб, размышляя, а потом его лицо осветила надежда.

— Но до завтра ты ведь можешь остаться?

Остаться в долбаном средневековье, где «шкафы» с мечами запросто могут убить? А магия... отдельный разговор. Впрочем, к порталам она уже привыкла. Почти... Только отпустят ли ее завтра?

Юля смотрела в глаза Совенку, понимая, что уже согласилась. А если варвар решит, что ей отлично подойдет местная камера, она знает, у кого искать ключ домой. «Русский» слишком хорошо ориентируется в ее мире, чтобы быть там новичком.

Юля перевела вопросительный взгляд на варвара. Хм, если он брат Совенка, то, выходит, принц. Нумерацией с первого до пятого. Вот на что он намекал, требуя вежливого обращения. А она его именовала «Черным властелином» вместо «ваше высочество»...

ГЛАВА 3

— Альгар, разреши нам поговорить, — внес разумное предложение варвар.

— Обещаю, я быстро, — проговорила Юля, ставя Совенка на ноги.

Она поднялась и шагнула к ожидающему ее мужчине, но не выдержала и оглянулась, чтобы тут же выругаться — малыш снова стоял на коленях, склонив голову. Юля дернулась назад, но ее ухватили за руку.

— Не стоит, таковы правила, — предупредил варвар.

Юля скрипнула зубами в бессильной ярости. Внутри бушевало пламя, требуя спалить все к чертовой бабушке.

— Это ведь необычный зал? — Девушка попыталась отвлечься от того, кто болью засел в сердце.

— Это зал Скорби.

Ясно. Кому-то белый — цвет радости и чистоты, а кому-то — наоборот. На Юлю в этом зале больше давила пустота: высоченный потолок, гуляющее между колоннами эхо, сквозняк, пробирающийся под куртку, и чувство собственной незначительности по сравнению с местным гигантизмом.

Варвар остановился в десятке шагов от коленопреклоненной фигурки, что-то сделал с воздухом, потому как тот потяжелел, гася окружающие звуки.

— Вы ведь понимаете, что расследование исчезновения его высочества Альгара еще не закончено? — спросил, нависая и осматривая главную подозреваемую. — Но я могу сделать так, чтобы с вас сняли обвинения...

Многозначительная пауза намекала, что бесплатно ее из камеры не освободят.

— И что вы хотите взамен? — Юля отзеркалила его взгляд. Знает, сволочь, что не виновата, а нервы треплет, точно она серый маньяк с десятком трупов за спиной.

— Ничего сложного. — Мужчина отодвинулся, сложил руки на груди, нацепив на лицо благодушно-высокомерное выражение.

Теперь, когда Юля была в курсе, кто перед ней, заносчивое поведение варвара казалось естественным. Да, бесило, но удивления больше не вызывало.

— Вы будете носить мыслевик и сопровождать его высочество везде, где необходимо. От вас также потребуются уважительное отношение к нашим традициям и законам.

— И насколько вы рассчитываете продлить мой визит? — осторожно уточнила девушка, уже представляя «радость» знакомства с местным обществом и всю прелесть соблюдения неизвестных ей законов и правил. Хотя разве кому-то, кроме Совенка, есть дело до ее трудностей?

— Все будет зависеть от вашего поведения, — оскалился улыбкой варвар, — но постарайтесь никого больше не оскорблять, иначе можете не дожить до конца вашего, — он усмехнулся, — визита.

«Оптимистичное» пожелание, а главное — сразу хочется послать всех в далекое путешествие. Как в том анекдоте: «Вот вам пять тысяч, и не перебивайте».

— Тогда начнем с вас? — вскинула Юля брови, склонила голову, оценивающе оглядывая варвара — хорош: высокий, широкоплечий, брутальный. Хищным профилем напоминает народ команчей Северной Америки. Темная, выдубленная кожа. Густые серые брови и необычный темно-серебристый цвет волос, а про глаза... стихи сочинять можно. — Как мне вас называть?

— Достаточно будет «ваше высочество». С короткой памятью, как у вас, и привычкой сокращать имена я не хочу рисковать.

Юля фыркнула — у варвара точно пунктик касательно имен и титулов. Что возьмешь с аристократа... Не понимает, что Аль-

гар — имя для шестого принца. Для того, кому не повезло родиться в венценосной семье — заволновались, только когда сбежал и вовлек их в скандал. Аль — имя для них двоих, и она будет его так называть, даже если варвар облысеет от злости.

Но каков! Имя свое побоялся назвать, точно она слабоумная. Что же... сам виноват. Она постарается придумать что-нибудь достойное столь «славного» господина.

— И чтоб вы знали. «Черным властелином» называют себя вожди племени сиртсов. Они моются два раза в год, никогда не стригут волосы и поедают внутренности своих врагов.

Выдав сию убийственную информацию, варвар поискал следы раскаяния на лице девушки, но та лишь вежливо улыбнулась в ответ:

— Простите, не знала. У нас «Черные властелины» моются чаще.

Ее самому честному взгляду варвар, кажется, не поверил, еще с полминуты разглядывая с подозрением, но Юле удалось удержать невозмутимое выражение лица, и его высочество отвернулся, пробормотав что-то на местном.

— Я не услышал ваш ответ.

Юля потеряла горло, залитый кровью край кофты засох и неприятно царапал кожу. Помыться бы и переодеться, но здесь забота о гостях ограничивалась допросом и пыткой. Ах да, на десерт предлагались запугивание и шантаж. Но просить что-либо у варвара... Лучше грязной ходить, чем унижаться перед «шкафом» в доспехах.

— Значит, носить мыслевик и сопровождать?

Мужчина кивнул. Звучало несложно, но кто знает, как оно окажется на самом деле. Однако Юля сейчас не в том положении, чтобы диктовать условия. Придется верить на слово, которое варвар мог изменить в любой момент.

Потребовать гарантий? И нарваться на возмущенное: «Не верите моему слову?» Так и к камере вернуться можно, а попасть туда Юле не хотелось. Для впечатлений хватило и пыточной.

— Хорошо, я согласна. Что касается оскорблений, держитесь от меня подальше — и никто не пострадает, — мило улыбнулась она, глядя, как его высочество недовольно поджимает губы.

— Надеюсь, — с нажимом произнес варвар, — на ваше здравомыслие.

Юля могла бы долго рассуждать о том, что понятие здоровья у них разное, но махнула рукой — сутки как-нибудь продержится, а там придумает способ вернуться домой. Если ребенок смог, почему бы взрослой тете не справиться?

— Я могу его забрать? — спросила Юля, с болью глядя на Совенка.

— Вы — да, — подтвердил варвар.

— А наказание?

— Не ваша забота. Вы же собираетесь вернуться? — подколот ее варвар. Вот пойми его: то обвиняет в похищении, то в вину ставит желание вернуться. Как собака, честное слово: и кусает, и уйти не дает.

Она не собиралась оправдываться. Если тупому варвару непонятно, что у взрослого человека могут быть свои обязательства, то он... просто тупой варвар.

— Аль, вставай, мне разрешили тебя забрать, — обняла девушка худенькое тельце, прижимая к себе. И сразу неважными показались причины, требовавшие возвращения домой.

— Юля, — выдохнул Совенок, утыкаясь лицом ей в живот.

— Я останусь здесь до завтра. Покажешь свою комнату? — с напускной беззаботностью проговорила девушка, глядя деля по жестким волосам. Ее сложности не должны ранить ребенка.

— Останешься? — Совенок заглянул в лицо, и она кивнула, но малыш внезапно нахмурился, повернулся к варвару.

— Брат, ты даруешь Юле свою защиту? — спросил требовательно.

Варвар в ответ едва заметно скривился, словно его попросили о чем-то неприличном.

— Мне не нужна защита, милый, — попыталась отказаться Юля, но малыш заупрямился:

— Нет, нужна. Я же принял твое покровительство, так почему ты отказываешься?

Ничего непонятно, но в целом мысль улавливалась. Привела домой, покормила, одела — это покровительство? Если так, пусть будет, как хочет. Главное, чтобы покровитель не придумал лишнего.

— Твой брат может не согласиться, — привела весомый аргумент Юля.

Варвар вскинул бровь, прищурился и разъединил браслет, отщелкнув от него узкое кольцо.

— Я согласен. Твоя просьба разумна. Этой женщине лучше ходить под моей защитой.

Звучало, точно ее на поводок сажали. Впрочем, без просмотра все равно не оставят. Так что одним присматривающим больше, одним меньше...

— Спасибо, Фильярг, — просиял малыш.

— Фильярг? — с предвкушением уточнила девушка, раздумывая, что выбрать для его высочества: Филь или Ярг, но ее опередили, легко угадав намерение по выражению лица.

— Даже не думайте, — предупредил с угрозой мужчина.

— Не думать не могу, — честно призналась девушка, — а остальное — зависит от вас.

Варвар смерил ее недобрый взглядом, обещая вернуться к версии главной подозреваемой, а заодно и к пыткам, но Юля и бровью не повела — и пострашнее видали взгляды, особенно у начальства на работе.

В итоге взглядами их противостояние и закончилось. Варвар вернул себе отстраненно-высокомерный вид и официально произнес в пустоту:

— Я, Фильярг Соваш Ангальский, четвертый принц эсхарата Асмас, наследный правитель Четвертого тэората, принимаю Ю-лию Никольскую, гостью из мира Земля, под свою защиту и покровительство.

Кровожадно-алым полыхнули камни на обоих частях браслета, и Юля внутренне содрогнулась, с трудом поборов желание спрятать руки за спину.

— Позвольте.

Пришлось постараться, чтобы протянутая варвару рука не дрожала.

Браслет защелкнулся, тело на мгновение окуталось теплом. Юля поежилась — магия оказалась серьезным испытанием для нервной системы. Невидимое, но ощущаемое воздействие воспринималось чужеродным. Мозги начинали тихо закипать от попытки уложить картину нового мира в голове. А то ли еще будет...

Она полюбовалась на усыпанный алыми камушками узкий и довольно увесистый браслет, сделанный из неизвестного белого металла.

— Покровительство означает, что теперь меня убить сможете только вы? — внесла уточнение девушка.

Мужчина благодушно ухмыльнулся:

— Вы верно понимаете ситуацию, Ю-лия.

Его высочество ухитрился короткое имя разбивать на два. И это Ю — пауза — лия начинало выводить из себя.

— Вам пора, — не стал затягивать с церемонией он, открыл портал и приглашающе махнул рукой. — Прощу. Я присоединюсь позже.

Совенок потянул Юлю, торопясь покинуть зал Скорби. Переход — и они вышли в широком коридоре, где пол был вымощен серым камнем, стены покрыты белой, блестящей облицовкой, сводчатый потолок — а здесь любили высоту и простор — освещался магическими лампами. Двери повторялись через каждые метров десять. Это явно были господские покои, а не коридоры тюрьмы, куда Юлю притащили первый раз.

— Почему ваши порталы не калечат, открываясь прямо внутри дома? — спросила девушка, едва поспевая за набравшим скорость малышом.

Совенок чуть притормозил, но тут же рванул вперед:

— Не знаю, но никогда не слышал, чтобы кого-то покалечило.

Значит, решили этот вопрос с открытием портала в помещении. И Юля поставила себе мысленную пометку: если доживет, пообщаться с «русским». Интересно же.

— Помнишь о вальшгасе? Обязательно сходим в загон. Еще пойдем в плавающие сады и в призрачную галерею, тебе понравится, — фонтанировал идеями Совенок. Как и любой ребенок, он уже забыл о слезах, наказании и неприятностях.

Юля так быстро переключаться не умела и настороженно поглядывала по сторонам, идя следом за малышом. Накаркала.

Одна из дверей распахнулась, и в коридор вывалилась целая процессия. Ну как вывалилась... Степенно и величественно вытекла из двери, и было ясно, что избежать встречи не удастся.

Высшее общество эшарата Асмас предпочитало черный, темно-зеленый, серый и синий цвета. Красный, золотой и серебряный Юля заметила на вышивке, которой щедро были украшены наряды. Мужчины здесь носили обтягивающие брюки, рубашки с широкими рукавами и жилеты: короткие, средние или длинные. А еще на жилетах болтались платки, идущие по правой стороне тела от груди до рукава. Женщины были в

длинных, до пола — кто бы сомневался, — приталенных платьях и аналогичных жилетах, отличающихся от мужского варианта более богатой вышивкой. В остальном все было знакомо: серо-белые шевелюры и надменные лица.

Процессия хозяев жизни замедлила шаг. Совенок, наоборот, ускорился, идя на таран. Юля уже приготовила извинения — пусть на русском, зато с улыбкой, но тут рослый мужчина преградил им дорогу, и деть был вынужден остановиться. По девушке скользнули недоуменные взгляды. Еще бы — джинсы, кроссовки, кофта и длинная — до колен — ветровка-парка ярко-оранжевого цвета не вписывались в местную моду. Юля специально решила соблюсти баланс — не платье, но попа прикрыта, а кроссовки и джинсы — как чувствовала, что пригодятся.

Далее последовал обмен репликами. Дядя наседа на ребенка, багровея лицом и повышая голос. Совенок вяло оправдывался, опуская голову. А на Юлю вновь начало накатывать. Ненависть, точно живое существо, билась внутри, требуя крови. Был бы в руках дробовик — так бы и зарядила в живот.

Она и сама не поняла, что сделала. Просто в какой-то момент мужик занес руку, чтобы дать оплеуху Совенку, и Юля оказалась между ним и ребенком, сдавливая чужое запястье. Вроде просто сжимала, а мужик почему-то заорал, обмякая к ногам девушки.

Коридор взорвался визгом и криками. Голосило сразу несколько дур, то есть дам, а вот кавалеры на визг размениваться не стали. В лицо Юле ударил теплый порыв ветра, краем глаза она заметила цветную пыль, а потом от браслета во все стороны, обходя Совенка, разошлась волна силы. Без звука снесла аристократов к стенам, расчистив дорогу.

Юля залюбовалась живописной картиной — кое-кто сползал на пол вниз головой. И панталоны у них здесь... так себе. Не чета земному белью.

— Пошли, — дернул ее за рукав куртки Совенок.

Юля встряхнулась — действительно пора убираться, а то на шум еще принесет Филя...

Девушка обошла постанывающего мужчину, баюкавшего руку. Какие здесь нежные, однако, товарищи... По виду и не скажешь.

Неплохая защита у варвара, думала Юля, идя следом за Совенком. Только вопросов возникало сразу два: насколько хва-

тит заряда браслета при частом использовании, а что оно будет частым, девушка не сомневалась. Местное общество вызывало изжогу и желание обзавестись пулеметом. И какотреагирует его высочество на столь вольное обращение с артефактом? После сегодняшней стычки Юля опасалась, что Фильярг предпочтет прибить гостью, чем разбираться с жалобами товарищей.

— Скажи, а кто это был? — спросила, решив заранее оценить масштаб проблемы.

— Дядя, — недовольно буркнул Совенок, пояснив: — Второй брат отца. Его из тэората сняли, он сюда вернулся, ждать волю. Но ты не бойся. Его здесь никто не любит.

То, что не любят, и то, что всего лишь дядя, а не старший брат или правитель — радовало, зато остальное было непонятно. Однако уточнить не успела — пришли.

Коридор заканчивался впечатляющей дверью из темного дерева, за которой открывалась часть стены, соединяющая два здания. Или две части одного здания. С какой стороны посмотреть. Здесь Юля залипла, потому как за каменным парапетом обнаружился потрясающий — дух захватывало — вид. Прямо напротив места, где они стояли, шла невысокая, заросшая лесом гряда. Над густым подлеском вставали настоящие великаны с огромными, зонтичными головами. Между ними острыми пиками стремились в небо деревья, похожие на кипарисы. Юля смогла выцепить и нечто точь-в-точь как сосна, но с более длинными иголками, и гигантские папоротники. Чем-то увиденное напоминало картинки инопланетной флоры и одновременно доисторического леса. И над всем этим великолепием простиралось практически питерское серое небо. Лишь пара облаков решила отдохнуть на вершине гряды, неспешно перетекая в ущелье.

В этом мире было утро, рассвет набирал силу, активно выгоняя из ущелья ночные тени. Холодный ветер, гуляющий по стене, намекал, что день будет прохладным. Юля поймала на носу снежинку, поежилась. Вспомнила местные наряды — она бы не отказалась от теплого жилета.

— Нравится? — осведомились из-за спины, и рядом с ней, на парапет, легли ладони в кожаных перчатках.

— Пейзаж — да, потрясающий, а вот люди, — Юля замялась, но решила быть честной, — не очень.

— Вы про тех, кого оставили лежать в коридоре? — буднично осведомился варвар.

— Про них, — со вздохом призналась девушка. Все равно ведь доложат, так лучше здесь пообщаться, чем в пыточной.

— Вам повезло. Этот человек не опасен, но следующий раз можете нарваться на неприятности. Если вам настолько недорога жизнь, скажите — я распоряжусь ею по-своему.

То есть порка отменяется? Юля воспрянула духом. Мысль, что она может подставить Совенка под худшее наказание, не отпускала. Даже собственное сумасшествие не казалось таким уж важным, как риск подвести малыша. А предложение варвара... Подавится. Пусть своей жизнью распоряжается, а в ее не лезет.

— Обязательно изведу вас о своем решении, — ответила Юля, усмехнувшись про себя — настолько чопорно прозвучала фраза.

— Крупные у вас тут птички, — отвлеклась она на темный силуэт, парящий над горами.

— Это калкалос, та самая ящерица, которой вы хотели отрезать хвост.

Юля прищурилась, вглядываясь — ящерицу, которая летает, хотелось рассмотреть в деталях, — и едва не заорала, обнаружив, что расстояние между ними схлопнулось и она смотрит в узкие, вытянутые зрачки дракона. Девушка с испугом отшатнулась, разрывая контакт. После удостоверилась, что никакого дракона и в помине нет: она все так же стоит на стене, а за спину ее поддерживает мужская рука.

— С вами все в порядке? — обеспокоенно осведомился варвар, или же Юле захотелось услышать беспокойство в его голосе.

— Да, все в порядке.

Она шагнула, разрывая телесный контакт. Нечего тянуть к ней руки! Юля еще помнит, чем закончились первые обнимашки.

В порядке ли она? Ни черта не в порядке! Когда сумасшествие начинает атаку на мозг, привыкаешь к странностям. Привиделась морда дракона? Необычно, но не смертельно. Гораздо занятнее, что будет дальше. Голоса в голове?

— Лысая обезьяна! — Шипящий рокот ввинтился в мозг. Голос был нечеловеческим и больше напоминал перекачивание гальки по дну реки, чем привычную речь, но смысл улавливался четко.

— Двухногая, бесхвостая, тупая и ползающая по земле обезьяна, — добавил подробностей голос.

Юля готова была смириться с собеседником в голове, но терпеть оскорбления — не в этой жизни. Подсознательная уверенность, что обладатель шипящего баритона сейчас усиленно машет крыльями в их сторону, крепла с каждой секундой.

— Чешуйчатая ящерица, — пробный пошел.

— Жаба с крыльями, пожиратель помета, выползень бородавчатый. — Снаряды ложились кучно.

Дальше фантазия примолкла, собираясь с силами, голос тоже не подавал признаков жизни. Юля искренне пожелала ему немоты, годков этак на десять.

— Странно, — задумчиво проговорил варвар, — и что его здесь привлекло?

Юля взгляделась в горизонт — черное пятно быстро увеличивалось в размерах. Уже четко были видны крылья, узкая длинная морда и гребень на спине.

— Двухногая личинка навозника, — умоляюще пророкотало в голове. Восторг, предвкушение... Ей с трудом удалось отделить чужие эмоции от своих.

— Червяк, возомнивший себя птицей.

Волна восторга была столь сильной, что Юля подпрыгнула на месте, поймала странный взгляд варвара и едва удержалась, чтобы не показать мужчине язык. Он посмотрел на небо, покачал головой:

— Сюда направляется.

— Заметил что-то, вот и решил посмотреть. Глупый же. — Совенок взял ее за руку.

— Глупый? — с сомнением протянула девушка. По ее мнению, чешуйчатое нечто было похабником со стажем, а вот глупым — вряд ли.

— Ага. Когда-то они вместе с людьми населяли Шайрат, но потом Девятиликий обиделся на них и лишил мозгов. Правда, они схитрили и смогли сохранить часть.

— Вижу, ты плохо помнишь легенды, — пожурил младшего брата его высочество, — повтори, вечером проверю. Но в целом он прав, Ю-лия. Калкалосы считаются частично разумными. Пусть они не нападают без причины, к ним лучше не приближаться. Да они и сами к себе не подпускают. Было время, когда их почти истребили, но сейчас охота в прошлом.

Юля с предвкушением смотрела, как дракон опровергает слова варвара. Встав на одно крыло, он заложил лихой вираж над башней, сложил крылья, нырнул вниз и плюхнулся на живот метрах в пяти от них. У его высочества от удивления закончились слова, Совенок издал восхищенное:

— Еш-ш-шь!

При звуках его голоса Филь отмер. Закрыв их собой, спрятал за широкой спиной. Еще и меч потянул из ножен.

— Вы сказали, что они не нападают?

В голове ехидно хихикнули.

— Значит, не о чем волноваться.

Юля обогнула фигуру варвара и остановилась, поймав взгляд вертикальных зрачков. Дракон был небольшим — туловище размером с газель. Длинная шея, кожистые крылья с когтями для ползанья по скалам, шипастый хвост и очень — ну очень — выразительный взгляд давно живущего существа, уверенного, что в жизни самый здоровый смех — это ехидный, а все остальное — чешуя.

На Юлю повеяло таким родным и знакомым, что она невольно прислушалась — не раздастся ли поблизости голос Любки. Но нет. Позади оживленно сопел Аль, его брат изображал готовность к атаке, и Юля надеялась, что ему хватит выдержки не броситься на дракона.

А Любка... Второй такой в жизни ей больше не встретилось. Шквал идей, взрыв энергии, азарт во всем: от рыбалки до езды на велосипедах. Они встречались летом в деревне, куда Юля приезжала с Сережкой, пока бабушка была жива. И по вечерам, сидя на лавочке у забора, развлекались, придумывая смешные прозвища знакомым и друзьям. На их гогот оборачивались, грозились, но сделать ничего не могли. Золотые были времена, н-да...

— Можно? — с замиранием спросила Юля, делая шаг к дракону.

ГЛАВА 4

Удивительно, но варвар понял, что обращалась она не к нему. Препятствовать не стал, мол, идите, товарищ Ю-лия, в пасть дракона, если вам так хочется.

В пасть не хотелось, но калкалос приглашающе вытянул шею, искушающе сверкнул глазами и пророкотал:

— Испугалась, слизь желтобрюхая?

Допустим, не желтая, а рыжая. И кто еще испугался? В пять шагов она добралась до морды, с вызовом найдя свое отражение в золотистых глазах. Задрала голову — крупный, поганец. Схрумкает ее раза за три или даже в два уложится — ростом Юля не вышла, до модельного на целую голову недотягивала.

В припадке бился инстинкт самосохранения, дрожали в азарте поджилки, и хотелось невозможного.

— Ты кого слизью назвал, плешивый тритон-переросток?

Юля протянула руку, не решаясь дотронуться до глянцевого носа, но дракон сам коснулся ее ладони, и она замерла, млея от восторга. Нос был гладким, прохладным и кожаным на ощупь. Понимание, что она гладит дракона, рождало шквал эмоций.

За спиной тихо переговаривались.

— Она же его понимает, да?

— Определенно.

— Но ты говорил, что это сложно.

— Сложно. Я сам долго учился, но здесь, видимо, совпали характеры.

За такой вывод варвара хотелось прибить, однако желание помочь Совенку пересилило. Вот подкопит она счета к его высочеству и выкатит за все разом.

— Аль, иди сюда, — позвала Юля, и малыш с готовностью подбежал, вставая рядом.

— Давай помогу, — подняла она его на руки, чтобы тот смог дотянуться. — Сосредоточься. Протяни руку, коснись и попробуй что-нибудь сказать про себя. Еще лучше представь, что у тебя дуэль с противником. Только не на кулаках, а на словах. Понял?

— Ага. — Малыш кивнул, зажмурился, сосредотачиваясь. Положил крохотную ладошку на гладкий черный нос, наморщил лоб, стараясь изо всех сил, чтобы через минуту издать восторженный вопль: — Получилось! Я его услышал! Он назвал меня лысым яйцом.

Юля испытала прямо-таки материнскую гордость за подопечного.

— Спасибо, — поблагодарила она дракона, так как была уверена, что тот сам выбирает с кем «разговаривать» и обучение местных здесь совсем ни при чем.

Совенок вывернулся, подбежал к брату, теребя его за край куртки:

— Ты сказал, что я услышу калкалоса, когда стану взрослым. Значит, я уже взрослый?

И столько ожидания было в этом вопросе, что Юле стало ясно — детю позарез надо нечто особенное, а взрослые отнекиваются, кивая на возраст.

— Нет, Альгар, ты не стал взрослым, — спокойно ответил Фильярг.

И все. Ни гордости за брата, ни «Какой ты молодец». Этого Юля вынести уже не могла.

Дракон понял все без слов. Взмахнул крыльями, Юля отошла, освобождая место для взлета, но ящер запрыгнул на парапет и оттуда просто сверзился башкой вниз. Девушка ахнула, свесилась, высматривая позера.

— Прощай, лысая личинка, — раздалось в голове, и над стеной взмыл крылатый силуэт, — если понадобится — зови, услышу.

— И тебе не хворать! Спасибо! — прокричала Юля, маша рукой. Повернулась к Совенку, присела, обняла.

— Ты молодец! Сразу услышал калкалоса, тогда как некоторым понадобилось для этого много времени, — покосилась она на Филья, но тот и бровью не повел. — Такой талантливый ребенок, что впору начинать бояться.

Совенок просиял:

— Правда?

— Конечно, — улыбнулась Юля. Этим глазам, курносому носику и щечкам невозможно было не улыбнуться.

А вот Филья остался верен себе — невозмутим, как статуя. И так же немногословен.

Потом они шли по длинным переходам, поднимались по крутой лестнице. Нагулявшись с утра, Юля ощутила, что ноги уже гудят от усталости.

— И почему нельзя было открыть портал? — спросила она недовольно на очередном повороте. К хорошему быстро привыкаешь. Скоро начнет требовать портал в ванную или в туалет.

Юля не рассчитывала на ответ, но его высочество соизволил пояснить:

— Это башня принцев. Сюда невозможно открыть портал.

Из-за безопасности, догадалась девушка. Чтобы ни один наемный убийца не добрался до голов их высочеств.

— Мы пришли, — сказал Фильярг, когда они остановились напротив двухстворчатой двери.

— Покои шестого принца, — объявил он, добавив: — Ваши дальше по коридору. Их скоро подготовят.

Совенок распахнул двери, первым влетая в комнату и останавливаясь сразу за порогом.

— И где все? — спросил ребенок, обводя растерянным взглядом безлюдное помещение. По мнению Юли, вполне достойное — на принцах здесь не экономили. Большая овальная комната, панорамное окно и три двери, ведущие в другие комнаты.

— Альгар, новых слуг пришлют завтра. Сегодня не успели никого найти. Но у тебя есть Ю-лия, ты не будешь один.

— Новых?

Отвлекшаяся на рассматривание убранства Юля обернулась. Нахмурилась, заметив в глазах малыша дрожащие слезы.

— В чем дело? — спросила она у варвара.

— Они! — срываю голос, зло выкрикнул малыш. — Убрали! Всех!

— Всех, кто недосмотрел, — едва слышно, для Юли, пояснил варвар.

И среди этих «всех» был кто-то дорог Совенку... Юля вздохнула. Чем тут помочь? Уволить — она искренне надеялась, что слуг именно уволили, — было жестким, но оправданным решением. Недосмотрели за ребенком, позволив ему сбежать из дому. Такое сложно оправдать.

— Аль, — наклонилась Юля, заставляя малыша смотреть ей в глаза, — ты же понимаешь, слезами тут ничего не исправить. Сбежав из дому, ты повел себя как маленький ребенок. А ведь ты — принц. На тебя смотрят, равняются. А что будет, если все дети начнут сбегать из дому, потому что шестой принц подал им такой пример?

Совенок засопел, шмыгнув носом, и Юля вытерла бегущую по его щеке слезу.

— Никто на меня не смотрит, — возразил он, но неуверенно.

— Это тебе так кажется. Ты — лицо страны. Хочешь этого или нет. Но я знаю, как помочь твоему горю. Не прямо сейчас, чуть позже. Докажи, что исправился. Стал достаточно взрослым, чтобы принять ответственность. Сделай что-нибудь особенное. Уверена, отец захочет тебя наградить. И ты сможешь вернуть кого угодно.

Юля не представляла, как его величество общается с детьми, но хотелось надеяться, что как-то общается. Да и просьба — вернуть слугу в дом — не такое уж невыполнимое желание. Сейчас, конечно, все станут выдерживать характер, замена слуг — часть наказания, но, когда страсти поутихнут и побег забудется, можно попытаться. Если у Совенка есть характер, он добьется своего, нет — не очень-то и нужно было.

Кажется, ее речь произвела благоприятное впечатление на варвара, потому как он решил озаботиться комфортом гостыи.

— Альгар, Ю-лии надо помыться и переодеться. Одежду скоро принесут. Вашу оставьте, ее приведут в порядок.

— А можно мы в котел пойдем? — подпрыгнул Совенок, слезы на лице разом высохли, и только внимательный взгляд мог заметить грустинку, поселившуюся в глубине карих глаз.

— Можно, — разрешающе кивнул Фильярг. — И, Сове... — Запнулся, моргнул, на лице промелькнула тень раздражения. — Альгар, — исправился варвар, бросив обвиняющий взгляд в сторону Юлии, — не торопитесь. Котел сегодня свободен.

В дверь постучали. Филь снизошел до того, чтобы открыть и принять стопку одежды и лично передать ее Юле.

Стопка была высокой — хозяева расщедрились на «переодевашки». Принимая вещи, девушка коснулась затылочных в перчатки рук и неожиданно смутилась. Виной тому был пристальный мужской взгляд, от которого внезапно стало неуютно.

Нет-нет! — встряхнулась Юля. Только отношений в чужом мире ей не хватает. С отсутствием контрацепции и невозможностью в случае чего призвать папашу к ответственности...

А Совенок уже тянул ее к одной из дверей, за которой обнаружился коридорчик, с одной стороны ведущий в туалетную комнату со вполне узнаваемыми удобствами, с другой — утыкающийся в лестницу.

— Подожди меня, — попросила девушка, закрываясь в туалетной комнате.

Глянула в зеркало, вздрогнула. С таким прикидом ее в любой клуб на Хэллоуин без очереди пустят. Бледное лицо, лихорадочно блестящие глаза, в которых застыло удивление и шок Алисы, падающей в кроличью нору, встрепанные волосы, которые она тщетно попыталась пригладить, но самым шиком была залитая кровью верхняя часть тела. Капельки брызг живописно начинались от подбородка, на шее и груди превращаясь в сплошные потеки. Юля вспомнила недавнюю встречу. Крепкие у товарищей нервы. Она бы от такой «красоты» шарахнулась и сама бы дорогу уступила, а эти и глазом не моргнули — привыкшие.

Долбаное кровавое средневековье. Зато все дурные мысли из головы как метлой вымело. Что там у этой «статуи» на уме? Сегодня он положительный, заботливый, а завтра меч в руки — и голову с плеч? Не-не. Никаких варваров с мечами. Сутки еще продержаться, а там, если его высочество смилуется, домой.

Юля стерла кровь с куртки, на кофту махнула рукой и потопала в загадочный котел.

Сначала они долго — этажей шесть — спустились по лестнице. С каждым пролетом воздух набухал сыростью, стены «плакали», на ступенях кое-где блестели лужицы воды, и все более ощутимым становился запах серы. Миновав последний пролет, они оказались в вытянутом помещении, откуда несколько дверей вели в раздевалки, они же помывочные. Комнатки были разделены на две части, в одной наличествовали краны: верхний, нижний — и углубление со сливом в каменном полу. В другой, застеленной деревянным полом, следовало переодеваться. На ноги предлагались деревянные шлепки размера эдак сорок пятого — лапы у принцев были внушительными.

— Выбирай любую, — махнул рукой малыш, — повезло, мы здесь одни.

— А что из этого здесь носят? — Юля с сомнением покосилась на одежду в руках. Идея с обнаженкой ее не привлекала. Это сейчас здесь никого, а потом всем внезапно понадобится принять банные процедуры.

Совенок порылся в стопке, выудил две ночнушки. Одну маленькую, вторую побольше. Ее и протянул Юле. Девушка помяла непривычную ткань — ни на что не похожую — и по-

спешила в комнатку. Грудь уже не чесалась — она горела, и нестерпимо хотелось все с себя снять.

Вторая дверь из помывочной вела в просторное помещение, чьи стены терялись в густых горячих клубах пара. В центре, куда Юля добралась почти на ощупь, возвышался сложенный из камней резервуар с водой. Он действительно напоминал котел, в котором плевалась, бурлила и поднималась к потолку паром вода, слегка пахнувшая серой.

— Ближе не подходи, может и брызнуть, — предупредил Совенок, нарисовываясь рядом. В ночнушке, с намокшими волосами, зарумянившимися щеками и приоткрытым от жара ртом он походил на девочку.

Юля вдохнула глубже, закашлялась, запах серы, хоть и не сильный, портил всю прелесть местной бани.

— А есть мыло? Душистое? Или ароматическое масло? — Идея родилась сама собой.

— Есть, — кивнул Совенок. — Выйдешь обратно в зал. Последняя дверь — кладовая. Выбирай что хочешь.

Юля и не думала стесняться. От бадейки с жидким мылом, куда она добавила масло с ароматом, напоминающим мяту, его величество не обеднеет.

Юля вышла спиной вперед, одной рукой закрывая дверь, а второй придерживая бадью, и услышала шаги. Резко обернулась, опасно забалансировала в огромных сандалиях, бадья начала выскользывать. Юля успела подхватить ее в последний момент, а вот мыло спасти не удалось.

— Ой!

Зрелище стекающего по обнаженному торсу варвара жидкого мыла цвета морской волны собрало бы на Тик Токе сотни восторженных отзывов. Объективно, там было на что посмотреть и даже потрогать, но все портил дурацкий аромат мяты. Вкупе с каменным выражением лица, на которое тоже, кстати, попало... Юля зажала рот рукой, сдерживая прорывающийся смех.

Его высочество величественно стер каплю мыла со щеки, стяхнул на пол и вопросительно вздернул бровь.

Все. Больше держаться не было сил.

— П-п-простите, — выдавила Юля, склоняя голову и пряча лицо. Хотя... что там прятать, когда смех, зараза, лез наружу, точно упрямое тесто из кастрюли.

ГЛОССАРИЙ

Асмас — название эсхарата.

Ассар, ассара — наставник, наставница.

Бездна — подземное озеро под дворцом. Используется для купания в зимний сезон.

Вальшгас — крупная ящерица, бегающая и ползающая. Используется как средство передвижения по горам.

Девятиликий — местное божество, обладающее девятью ликами (боль-болезнь, гнев, радость, любовь, кара-возмездие, смерть, рождение, наслаждение, страх).

Ерьки — местные мелкие рыбешки, обитают в пресноводных озерах.

Жигра — остро пахнущая трава, любимая горными козлами, ее часто добавляют в мыло, шампуни.

Калкалос — дракон, условно-разумное существо, которое местные относят к летающим ящерицам.

Котел — аналог хаммама.

Мыслевик — артефакт, позволяющий общаться на незнакомом языке. Обладает побочным эффектом в виде головной боли.

Ракханы — раса сероволосых.

Световик — осветительный шар. Реагирует на движение и загорается, если рядом находится живой организм.

Свириллум — драгоценный металл, что-то вроде белого золота.

Стоп — правитель тэората.

Тапуны — аборигены, населявшие Асмас задолго до прихода ракханов.

Таркас — столица Асмаса.

Тэорат — часть страны (королевства), отданная под управление принцу.

Чарксы — огромные птицы, напоминают наших орлов. Поддаются дрессировке. Могут нести на себе всадника. Тяжело разводятся в неволе, поэтому редки. Используются для патрулирования и разведки.

Шайрат — название мира.

Эсхарат — страна с монархическим типом правления, аналог королевства или княжества.

СОДЕРЖАНИЕ

ШЕСТЬ ВЫСОЧЕСТВ И ОДНА АССАРА. <i>Роман</i>	5
<i>Глоссарий</i>	375